БИБЛИОТЕКА ДООС– ПОЭЗИЯ

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос-Рус)
К 56

ДООС-ПОЭЗИЯ

ДООС – аббревиатура Константина Кедрова-Челищева 1983 г. – Добровольное общество охраны стрекоз Девиз: «Ты всё пела? Это – дело!»

ДООС приветствует теорию и практику метаметафоры (термин Константина Кедрова-Челищева, предложенный им в 1978 г.)

Библиотека ДООС – ПО основана Издательством ДООС Маргариты Аль в 2014 г.

Редакционный совет: доктор философских наук Константин Кедров, Маргарита Аль, Елена Кацюба.

ISBN 978-5-9906507-4-9

© К.Ковальджи, текст, 2015.
© Е.Кацюба, фото, 2015.

КИРИЛЛ КОВАЛЬДЖИ

ЛЮБОВЬ И ЛИНГВИСТИКА

ИЗ ВОРОХА СТИХОВ

Москва
Издательство ДООС
2015

Предисловие от автора

Поэзия вращается в сфере, где один полюс — Исповедь, другой — Музыка. Ударишься в одну крайность — уйдешь от музыки, в другую — удалишься от мысли. Поэзия жива, пока летает между полюсами. А какова ее орбита — зависит от конкретного времени и личности автора.

Теперь относительный штиль, и поэты, как правило, весьма чутко прислушиваются к своему внутреннему миру, исходя из которого творят «внешний». Я же — выходец из первой половины прошлого века, когда внешний мир тщился заглушить музыку....

Мне выпали на долю всякие пертурбации, совсем не похожие на сегодняшние. На меня, как только я начал себя осознавать, навалились «исторические события». Я родился в Бессарабии (тогдашней Румынии) при короле Кароле II-ом, в десять лет оказался в Советском Союзе, при Сталине, в одиннадцать — война, осада Одессы, потом я опять в при румынском короле, на сей раз — Михае I-ом и Антонеску, с четырнадцати —

опять в Советском Союзе. Мне было пятнадцать, когда окончилась самая большая война, чему радуюсь до сих пор (отсюда и особенности мировосприятия). В шестнадцать пережил первую любовь (вместе с первыми стихами) и с тех пор они (любовь и стихи) не покидали меня.

Учитывая все это, читатель может догадываться, что его ждет.

Будучи любопытным от рождения, я хотел быть как все и не как все, хотел объять необъятное (в результате — в моих сочинениях куда больше «широты», чем углубленности). И хотя мне выпала долгая жизнь, мне кажется, что только сейчас начинаю жить заново. Вот такой парадокс.

Это, пожалуй, похоже на «кардиограмму» человека с опытом определённой судьбы (о ней шире можно судить по роману «Свеча на сквозняке» (1996 г.) и книге эссе «Обратный отсчёт» (2003 г.), судьбы под знаком неистребимой любви к поэзии (любви, которая сильней отношения к собственным сочинениям).

Это исповедь, которая, надеюсь, способна быть созвучной стремлению человека к гармонии, к нормальной жизни (в не совсем нормальные времена!).

Музыка отделяется от автора, исповедь — никогда.

ПОЭЗИЯ

Этюд о русских антирифмах

В стихе — признайся, сладкопевец, —
двоякость русская видна:
где рифму гонит острый *Месяц*,
там соглашается *Луна*!
В конец строки не рвётся *темень*,
а *тьма* является сама.
Нет рифм, где *облако* и *небо*,
но их приемлют *небеса*.
Без рифм и *юноша*, и *старец*,
и *девушка*, пока одна,
зато охотно ходят в паре
брат и *сестра*, *муж* и *жена*.
Хлеб, кровля, простыни и *скатерть*
не любят рифму занимать.
Нерукотворна *Божья Матерь*,
сподручней сквернослову *мать*.

Чутьём угадывает мастер,
Что истребляет рифму ястреб, —
как перст, один парит в пространстве,
а завербованный орёл
державный любит ореол.

Глагол находит отклик даром —
пускай от рифм отбою нет,
слова существенные пару
себе не ищут. В чём секрет?
От рифм доступных жди подвоха,
перевиранья скомороха:
орёл-осёл, царь-тварь, но клятва
неприкасаема, как правда.
Как истина, молитва, память,
как жизнь и смерть — не переврать!
Богатство рифм и впрямь — лукавство,
попутал нас салонный чёрт.
Ищи дикарское лекарство
Там, где язык и твёрд, и чёрств.
Речь прячет корни гор и гребни,
где призрак предков до сих пор:
к лицу им — чаща, роща, дебри,
потомкам нежным — лес и бор.
О, сладкогласия бесплотность!
Учти у классиков частотность
любимых рифм — не гнули горб:
сто раз — печаль, ни разу — скорбь.
Кручёных не переборщил,

когда воскликнул: дыр, бул, щил,
и убещур не чересчур:
в пещере пращур. Чрево. Шерсть.
Но мощный мозг — он жаждет звезд,
он дерзко держит купол неба
под черепом. Недаром — нёбо!
Хандра и желчь — боязнь болезни,
а праздность — праздник и приязнь.
Как в синем колоколе солнце,
так в церковь принимают сердце.
Спросил недаром Пушкин: жизнь,
зачем ты мне дана? На казнь
зачем осуждена?.. Но мысль —
пускай подкидыш, но не червь!

Прокаркал ворон. Вихрь и ветр.
Дождь, молния и радость радуги.
Послушай: озеро и осень,
как отзвук — запахи и ягоды;
деревья, терем, холм и степь —
так возникает образ родины.
Вся жизнь из русских антирифм,
где витязь, доблесть, посох, подвиг,

младенец, молодость... Любовь
и воздух. Женщина и свадьба.
Но вопль и жертва! Пекло, пепел
и зависть, ненависть. Как в прорубь!
Но завтра вновь — младенец, голубь
и горло. Яблоко и песнь!

Сонет с анаграммами

От чуда отправляются на дачу,
Торги сокрыты в прелести гитар...
Я не хочу, я всё переиначу —
Кентавр преобразуется в нектар.

Слова сулят негаданные встречи,
И шепчет страсть про старость,
и пчела
Печали жалит согнутые плечи,
Из чрева дней сосет мое вчера.

Перетасуй провидческие звуки:
Русалки промелькнут на дне разлуки
И ласку ловко превратят в скалу...
Но не спеши волхву воздать хвалу.

Стрекозы на костре...От этой муки —
Клочки стихотворения на полу.

палиндромы
экуменизма

По-нашему:
Рим — мир
По-вашему:
Roma — amor

Карадаг

Вот завет Карадага:
карандаш и бумага.
Будет всё,
если есть Карадаг,
есть бумага и есть карандаш.
Карадаг,
под тобой Коктебель
катит гальки своей карамель.
В городах — карусель, кавардак,
ты умен, не бывал в городах,
Карадаг.
Водишь по морю тень каравелл,
Карадаг.
Дай мне только покой и сухой каравай,
Карадаг,
Пусть проходит замедленно туч караван,
Карадаг,
Разряжая над морем громов карабин,
Карадаг,
Алый парус отыщут твои корабли,
Карадаг,
Я счастливее стал отставных королей,

Карадаг,
Мне пришелся по сердцу морской карантин,
Карадаг...
Собирая камней твоих клад в коробок,
Карадаг,
Основав из себя и тебя городок,
Карадаг,
Я бы старость с тобой скоротал,
Карадаг...

* * *

Приснилось, что стрекоза
живёт четыре часа.

Знаю, что это не так,
но почему-то до слёз
стало жалко стрекоз.

Я буду сам себе враг,
если одну стрекозу,
одну стрекозу
не спасу...

* * *

Ты не из земных девах,
Не приколочка —
Танцевала не на пнях —
На иголочках...
На твоих босых ступнях
След от облачка!

* * *

Лаура, Беатриче, Натали...
Какие бы не возникали споры, —
Что поэтические горы
Без этих дочерей земли?...
Без Любы, Лили, Айседоры.

* * *

Как ни велик океан,
в нём столкнулись две подводные лодки,
Как ни огромно небо,
в нем столкнулись два самолёта,
даже в космосе
столкнулись два спутника
а в Москве
мы с тобой — ну никак...

* * *

Андрея Вознесенского вознёс
бессмертья дух, как лучших возносили...
Миллион, миллион алых роз
от имени поэзии России
и ангелов хранителей стрекоз!

* * *

Маленький атом
в большом человеке

Маленький человек
на большой планете

Маленькая планета
в большой Вселенной

На Твоей ладони, Господи,
кто больше?
кто меньше?

* * *

— Не уходи, подожди
подожди меня, не удаляйся!

Остановилась, ждет, обернувшись ко мне,
в чистом поле под ласковым солнцем.

Я иду
и по мере сближения
она становится все моложе,
всё тоньше, всё прозрачней

Еще один шаг

А уже только поле
и птицы и солнце...

* * *

Мать меня изгнала из чрева
по веленью любви

Мать отлучила меня от груди
по веленью любви

Мать-земля отрывает меня от жизни
по веленью любви?

Матерь Божья,
воля твоя...

* * *

Вначале было Слово
А после словечек
в конце будет —
Крик?

* * *

После изгнания
Адама и Евы
в раю не осталось
ни одного человека!

* * *

Кто там с чёрным ящиком?
— Пандора.
А с чёрным квадратом?
— Малевич.
А с чёрной чертой?
С чёрной точкой?

Крест

Перекладина вверх
– к небу
Перекладина вниз
– к земле
Перекладина вправо
– к людям
Перекладина влево
– к тебе

* * *

От костра остаётся
пепел

о любви нашей
перепел
пел...

Беда 2010

Как в пустыне, выгорела влага,
и куда ни кинь — повсюду клин.
Неужели русский бедолага
будет называться — бедуин?

* * *

Уже внушили каждому
из дышащих, из нас:
скупайте воздух, граждане,
копите про запас!

Провеянный, проверенный
отборный кислород
на склады по конвейеру
спрессованный идёт.

Озон — международная
валюта из валют.
Подушки кислородные
из-под полы дают.

Жду время нормы суточной,
когда в полночный час
с любимой на минуточку
сниму противогаз.

* * *

Что было раньше — курица ли яйцо?
Вначале было Слово

* * *

ЛЮБОВЬ
прекрасная болезнь,
а не полезнь

* * *

Что между нами было?
Искорка.
И опять темно.

* * *

к ней приходит сон,
словно тайный любовник

* * *

Человек всё смелей сокращает пространства.
Но не пр***о***пасть
между мной и тобой...

* * *

тебе к лицу постель

* * *

Молодой ухажер —
Обещание,
Седовласый жених —
Завещание.

* * *

Ты из ребра
бес в ребро

* * *

Настоящие старики —
это те, кого я молодыми не видел,
а мои друзья и подруги —
отставные молодые...

* * *

Не Иисус,
не притчи:
а искус —
китчи...

* * *

М. ГОРЬКИЙ
Пешков прошёл в ферзи.

* * *

Ты помнишь первый поцелуй?

. . . . . .

А последний?

* * *

С Древа познания Добра и Зла
первое яблоко сорвала Ева
второе упало к ногам Ньютона

Вот и разрываемся мы
между землёй и небом
между потерянным раем
и обретеньем Ньютона

В обозримой вселенной —
закон всемирного тяготения,
а в незримой —
Закон тяготения Духа.

Аварийная посадка

На заброшенный аэродром
приземлился самолет —
как весенний гром
среди неба ясного.

За годом год
в тайге ветеран отставной,
как упёртый, ухаживал
за пустой полосой ...

Так и надо жить:

Полоса одиночества
должна быть ухожена...

* * *

Человек произошёл от обезьяны?
Смелей, смелей! —
...от микроба!

* * *

Пенсионерам — манифест:
Кто не работает, тот не ест...

* * *

Параллельна
пара:
истукан
и стукач.

* * *

Одна + один...—
Изначально недаром
состоит из двух половин человек.
И недаром тех, кто явился без пары,
Ной не принял в ковчег!

Еретическое

Бог есть, а рая нет.
Дьявола нет, но есть ад...

Варианты

*

Нас вырастил Сталин на верность террору...

*

Антисемиты, Сталин дал приказ...

С первого взгляда

Не про меня, нездешняя,
в грешный наш мир заброшенная
с целью какой, заданием —
Господи, Боже ты мой! —
я всё тебе выдам, выложу,
твоей красотой огорошенный,
высокого напряжения
током —
роком, судьбой...

Книга, жизнь...

В гениальном романе
гениальная точка.
А будней цепочка сует запятую,
за которой повтор, проволочка...

Редактировать жизнь?
Восторгаюсь и негодую...
Снова кто-то, как я,
обнимает, как я обнимаю,
целую, —

другую любовь сочиняет другая ночка...

Жизнь петляет вперёд,
гениально летит
и бездарно бредёт
вкруговую...

* * *

— Уходи!

...И вот я — ушедший
все видят теперь —
вернее не видят,
ибо ушедший — ушел
и я сам озираюсь
где я?

* * *

Мне легче тебя целовать,
чем понять, что со мной происходит.
Если вслух не назвать —
вроде было и не было вроде,
а по правде — и быть не должно...
И молчим, ни о чем не толкуем.
Мы вдвоем на виду. Как в кино.
Ты прислушиваешься к поцелуям
и глядишь в никуда, улыбаясь,
приложив к подбородку палец...

Яркий свет. Люди смотрят. Смешно.

* * *

Возраст — это витки спирали,
старость тенью над тем, что вначале,
над ранимой юностью ранней,
где Она, что была всех желанней,
перед кем от восторга немею
(до того как стала моею)
и она же, с кем жизнь сложилась, —
словно век со мной не ложилась.
середина где? Сердцевина?
Ты прости, моя половина,
я забыл...

Над началом — кончина...
А, быть может, витки — пружина?

* * *

Пушкин знал, что станет памятником,
знал, что памятники оживают,
что тяжело пожатье каменной десницы,
и что скаканье тяжелозвонкое,
и что сам снизойдёт к Маяковскому
поболтать свободно и расковано...

* * *

Стою я на Тверском бульваре...
С. Есенин

Мечтал о пушкинской судьбе
Есенин на Тверском бульваре.
Поодаль, но с поэтом в паре —
По праву думал о себе.

И вот в столичном перегаре
В металле вылитый, тяжёл,
Стоит он на Тверском бульваре,
А Пушкин площадь перешёл...

«Осенняя песня»
Поля Верлена

Это попытка воссоздать звучание сверхмузыкальной «Осенней песни» Поля Верлена, перевести которое упорно пробовали и пробуют русские поэты. При первой же попытке я сразу же споткнулся о «скрипку» — она по-русски нестерпимо скрипела по сравнению с протяжным и певучимфранцузским — «виолон»...
Получилось два варианта: первый — более близкий к тексту по аллитерации на «онн», второй — эквиритмичный, повторяющий рисунок четырех- и трехсложных строк французского силлабического оригинала, но зато иначе «озвученный».

Стенанье струн,
Сентябрь — певун
Монотонный,
И в унисон —
Сердечный стон
Полусонный.

Словно в бреду,
Иду-бреду
Наудачу
И вспомню сны
Былой весны,
И заплачу...

А ветер злой
Владеет мной
И со свистом
Меня несет
В круговорот
Мертвых листьев
Осенний хмель,
Струна и трель,
А мистраль,
Как менестрель —
Виолончель
И печаль...

Была ли цель?
Боль, канитель
Наяву.
Вспомню апрель,
Сон и капель,
И реву...

А злой мистраль
Уносит в даль
Наугад
Меня в метель,
Как в карусель —
В листопад.

Сосчитать единицу

Сосчитай человека, компьютер, —
вот чело и число
или очи и почки —
на какой они сходятся почве?
Всё нутро умудряется точками
объявиться на мочках ушных и на пятках,
а лицо и всё прочее
на самой отпечатаны почке.
Звёздный код отражен в ребёнке,
как родители — в хромосоме, —
что получится в сумме?
Вот такой вот, компьютер, компот.
Неизвестно, где личность кончается
и с чего начинается.
Сосчитай моих предков,
и помножь на потомков,
и учти золотые следы
Льва Толстого, Гомера и «Слова...»,
сосчитай отложения
сослуживцев, соседей, газет.
Приплюсуй упованья и сны
и любви дефицитную долю;
корни в тёмном лесу подсознания,

мирозданье и мусор в мозгу...
Округляются запросто числа большие,
но нельзя изъять из России
единицу такую, как Пушкин!
Чёт и нечет восходят над числами,
единица же — верх совершенства!

Сосчитай человека, компьютер.
Сосчитать единицу нельзя.

Цифры

100 поэтов —
перевешивает
Единица!

100 солдат —
перевешивают
нули...

* * *

Сорвав очередной листок календаря,
мне хочется собрать
моих младших собратьев —
Александра Сергеевича,
Михаила Юрьевича,
Владимира Владимировича,
Сергея Александровича.

— Садитесь, пожалуйста.
Я расскажу о неведомой вам старости...
Это, конечно, гадость,
но в ней есть своя прелесть,
ей богу!
Только Александр Сергеевич,
Михаил Юрьевич,
Владимир Владимирович,
выньте, пожалуйста, пули,
А вы, Сергей Александрович,
снимите петлю, пожалуйста.

Преображение

С тяжелым сердцем и душой в пыли,
весь день прилипший к стулу или полу
и к городской поверхности земли,
он перед сном включает магнитолу.

Себе он разрешает баловство
минут на сорок вечером воскресным,
и возникает музыка, над креслом
приподымает исподволь его.

Немой приманкой музыка изводит,
как мел с доски, смывая кабинет,
выводит в неизвестное и сводит
земное тяготение на нет.

Несомый невесомой круговертью,
испытывая скорбь и торжество,
припоминает что-то после смерти,
а, может, до рожденья своего.

Он весь в себе и целиком вовне,
он вездесущ и над собой приподнят,
и он же — с ней, чье имя не припомнят:
на бревнышке заречном при луне...

* * *

Нежно музыка к ней прикасается
лунным светом, лучом серебра.
Я танцую со спящей красавицей —
как покорна она и добра!

Эти очи, прикрытые веками,
очарованы дальней луной.
Мне открыть одиночество некому:
видит сны, а танцует — со мной...

* * *

Сено. Солнце. Трава. Облака...
Голова легка и бездумна,
и сгорает светло и бездымно
городская сухая тоска.
На пологий взбирается склон
паровозик, пыхтя, что есть силы, —
старомодный и милый,
как дедушкин сон...
Смене медленно рады глаза —
тень вытягивают леса,
тень затягивает небеса
и шуршит стрекоза
электрическим тонким разрядом.
Вот и черная полоса
накренилась над садом:
ай, какая ударит гроза,
дунет хладом и градом!
Ливень,
вместо последних известий
пошепчи в непроглядной ночи...
Не бойтесь, стихи мои,
весьте
не больше, чем пламя свечи.

Cherchez la femme

Роковые женские судьбы двадцатого века...
Жёны, подруги, соратницы...
Александра Фёдоровна, дети и бывший
Монарх —
всем погибель в Ипатьевском доме.
Клара Петаччи с любовником дуче —
расстрел и повешенье вниз головой.
Ева Браун выходит за Гитлера,
чтоб назавтра на пару покончить с собой.
Чета Чаушеску — старик и старуха
торопливо расстреляны в день Рождества.
Александра, Клара, Ева, Елена —
власть, любовь и совместная точка в конце.

Воцарились две Нади в Кремле,
одна, ещё молодая,
грозному мужу смерть предпочла,
другая при непохороненном муже состарилась,
упал на колени Жаклин окровавленный
президент,
Цзян Цинн убивает себя — вдова великого
кормчего,
Кто ещё и когда?

Я гуляю по набережной Коктебеля,
ранний вечер, луна плывет одиноко,
грохотание модного рока, миганье огней —
танцплощадки огромная раковина
совершенно пустая, но вот в середину
выбегает джинсовая девушка,
извивается стеблем, руки воздев,
танцует сама для себя
одинокая под одинокой луной...

Что её ждёт? Что задумали звёзды?

И сегодня

Со всех сторон Достоевский
суёт мне свои сюжеты...

— Простите, Федор Михайлович,
но Вам потакать не желаю,
не желаю я быть героем
гениальных русских трагедий —

пусть считают меня идиотом!

Красота спасёт мир?

Мастера украшали сабли
ружья кинжалы
рукоятки приклады стволы
и даже лафеты пушек

Теперь вензеля завитушки
да и самих мастеров
водородная бомба
послала к ядерной матери

* * *

Возьми сухой июньский жар,
смешай с асфальтом и бетоном,
прогорклой гарью и гудроном —
получишь лето горожан.
Разит бензином и резиной
натертых до шипенья шин.
С витрин, с горячих спин машин
ржет солнце рыжей образиной.
Но в магазины прёт народ,
где пиджаки, сорочки, юбки
 неромантично, словно губки,
 всеобщий впитывают пот.
 Народ спешит, свершив покупки,
 в автобусы, как в душегубки.
Отдушина — под выходной.
Метро толкнет людскую лаву
 к вокзалам. Словно на облаву
столица в лес пойдет стеной.
Авоськи с апельсинами
заполонят перрон,
и тетки с непосильными
поклажами — вдогон...
На волю катится вагон,
Под небесами синими,

под соснами, осинами
запахнет апельсинами
российская жара.
В траве, по рощам елочным
и по тропам проселочным
осколочно и солнечно
заблещет кожура.
А в воскресенье до заката
волна обратная — возврата
немилосердная пора.
Несется солнце в лад с колесами,
от поезда не отстает
и, пролетая между соснами,
по окнам бьет, как пулемет.

* * *

Проигрывает в карты
задумчивый пророк,
как жизнь — кавалергарду,
спустившему курок;

проигрывает вору
трагический поэт,
оратору, танцору
и паре эполет;

проигрывает с треском
на молодой земле,
как желтый Достоевский
румяному Рабле,

но дух — победы краше,
его не побороть, —
любите проигравших,
как любит их Господь,

и знайте — рыцарь бедный,
страдающий за всех,
смеялся бы последним,
когда б в конце был смех.

Сонет о критиках

«Люблю я критиков моих!»
А.Вознесенский

Как не любить мне критиков моих?
Пускай сосу таблетку валидола,
Но не прожить и дня без их укола —
Как жеребец, от шпор взовьется стих.

Слух обо мне бы только не утих!
А если критик мой иного пола
И в возрасте былого комсомола, —
Сбегу с престола на своих двоих.

Лишь только женщина имеет право
Сказать, что стихотворчество — забава,
Лауреатство — дым и ерунда.

А залпы прочих критиков — приправа,
С их перчиком еще острее слава.
Я прав. А паразиты — никогда!

Эта парочка...

Неужели всерьёз вы поверили,
что с улыбкой и песней, светла,
молодая красавица Мэрилин,
с некрасивым веком ушла?
Неужели не видны вам тени те,
что скользят над серой толпой –
на руках несёт ее Кеннеди
с простреленной головой.

* * *

Там, за высотным зданьем на Смоленской,
Выглядывает солнце в пол-лица.
Горит пролет Садового кольца —
Закат изобразил пожар вселенский.

На площади шаг уходящий женский
Поэт чугунный ловит без конца.
(Тень — под колёса... из-под колеса...)
Из «Юности» выходит Вознесенский,

Он старше Маяковского. Но он
Все ж младше... Над окном кулинарии
Осваивают голуби балкон.

Метро толкает скопища людские,
Но огненный распахнут небосклон
Над буднями. Как и судьба России.

1988

В день марта

Вот какие стихи написались в 1953 году — они для печати тогда не годились (слишком жесткие), ни после (слишком мягкие)...

Девушка рыдала, не смогла помочь:
Сталина не стало в мартовскую ночь.
Эхо облетело все края земли...
Выносили тело, в Мавзолей несли...

День пройдет, и сотый — странно ей — опять
засмеется кто-то, кто-то сможет спать,

и весна разбудит, двинет ледоход,
и цветенье будет — день пройдет и год;

странно — завтра даже жизнь возьмет свое:
будет хлеб в продаже, хлеб — и для нее!

Так, пока рыдала девушка без сил,
пекарь встал устало, тесто замесил,
не потупил взгляда, в горе не ослеп...
Мертвым слез не надо, людям нужен хлеб.

* * *

Я особо чувствителен к ожиданиям
к ожидающим, ждущим, надеющимся,
потому-то снится мне ангел страдания
над окопами, бомбоубежищами,

Помню я матерей безутешными,
судьбы надвое перерубленными,
стены брошенными, ночи кромешными,
и возлюбленных
погубленными...

Перемелется всё, переплавится...
Но глаза, которые ждут,
всё по-прежнему сердце жгут.
С этой слабостью мне не справиться.

Новый год

Невидимый порог,
  придуманный, условный,
твержу: не паникуй,
  порога просто нет...
Но маята души,
  но сердца стук неровный —
запутался в себе,
  на свой ступаю след.

Мне жаль себя и вас.
  В скафандрах одиночеств
по камерам квартир
  в границах государств
дальтоники любви
  и пасынки пророчеств
пугаемся врачей,
 больные от лекарств.

Когда б душа всерьез
  хотела быть счастливой
не стала б, замерев,
  глазеть на календарь,
где лишь обратный счет

с обратной перспективой
накликаешь себе,
как отреченье — царь.

Мгновение — твое,
ты в нем богаче Креза,
вселенной равносущ
мирам равновелик.
Бессмертие и смерть
всего лишь антитеза,
клубок противоборств
и таинств маховик.

За окнами судьба,
как города громада,
я ей в глаза смотрю
отсюда, изнутри...
Зачёркивая ночь
штрихами снегопада,
лучами вместо струн
играют фонари.

В Карпатах

Под небом синяя Синая[1],
она сквозит в стеклянном сне.
Ещё скажу — она лесная,
в слепящей горной белизне.
Холодный снег и луч горячий,
среди зелёных елей — дачи,
дороги смелый серпантин,
нарядный, словно в день смотрин.
Зигзаг вершин на заднем плане,
где у бездонной высоты
избыток синей чистоты,
не ведающей о тумане,
и лишь закутан голый пик
в пуховый дымный воротник.

Орлы, как дух высокогорья,
где обитали короли...
Но как могло быть столько горя
при красоте такой земли?
А в сердце мира — Миорица[2],
она самой судьбы сестрица,
как слёзы — вещие слова.
Всё повторится — синева

и мрак. Останутся Карпаты,
Какая б не мела метель.
Карпаты — это колыбель,
где вечность дремлет, сном объята,
где жизнь — как горы в полный рост,
где смерть — как свадьба среди звезд

1. Синая — горный замок, бывшая резиденция румынских королей.
2. Миорица — вещая ярочка. В народной балладе она предупреждает пастуха о заговоре против него.

Греческое
(кириллирик)

Если ты не поддашься отсталости,
не начнут испаряться поклонники...
Уворачиваясь от старости,
я попал однажды в Салоники.
Там гуляет бог плодородия,
зеленеет вечно олива;
вот стою на площади Аристотеля,
но дойти не дано
до Олимпа,
не увидеть вершины, отроги,
где вершились рока пророчества...
Улетели орлами
красивые боги
моего (и нашего)
отрочества.
Жил я долго,
сладко и солоно,
заслужил и хвалу и критику.
Я любил,
о, мой тёзка из Солуни,

сочинять на кириллице
лирику!
Здесь Христа проповедовал Павел,
а потом муэдзины — Мухаммеда...
Бог един.
Я охотно бы славил
дружелюбье небесного саммита,
ибо мир наш, крикливый и резкий,
перед высшей гармонией грешен...
Ах, ты Греция, —
грецкий
крепкий орешек!

* * *

Протянут канат
между бездной и тьмой.
Кто по канату ходит
вниз головой?

* * *

У каждого свой интерес:
не зря миротворец притворный
«переговорный процесс»
произносит как «приговорный».

* * *

Начинаются муки:
издается указ,
что отныне за Буки
принимается Аз.

* * *

Самые великие события
совершаются без публики,
без болельщиков, без соглядатаев.

Христос воскрес.

Среди руин

Не на руины смотрю,
а на то, как пробивается
между камнями трава.

Владимиру Маяковскому

Когда еще не мог сказать я «мама»,
а только жизнь вдохнул —
в Москве
уже Вы к сердцу прямо
направили холодный револьвер...
Но вот — прошли года —
Вы с прежней силой
с эстрады книг дохнули на меня.
Стихам Вы дали жизнь —
стихи Вас воскресили,
сердца не знавших Вас воспламеня.
Мне виден взгляд из-под бровей насупленных,
пронзительный и властный взгляд.
Я знаю — Ваша слава
не романсом куплена,
она исхлестана, изжалена, изрублена —
разворошенный быт излил свой яд.

Пускай лучами в завтра проникала
поэзия —
на зло врагам,
но от чрезмерного накала
перегорает и вольфрам!
А, может быть,
для Вас не приспособили
ни дом, ни век, ни небеса.
И Лиля Брик...
Неужто Вас угробили
ее чертовские глаза?
Не верю, нет, не верю я,
что женщина
сразила Вас, такого, наповал.
Я знаю, это было — только трещина,
поторопившая обвал!

Ваш стих живет, годами не изглоданный,
не остывает жар поэм.
Теперь бы Вам воспеть Победу, Родину,
и драться
было б с кем!
Да, Вам бы «жить и жить,
сквозь годы мчась»,

и сколько было бы еще написано!..
А, может, лучше так, сейчас —
Я не хотел бы видеть Вас
состарившимся, с лысиной...
Остановились Вы в зените,
стих стальной
из слов выделывая ковких,
для нас
навеки молодой
Владимир Маяковский!

23 августа 1947

* * *

Они любили друг друга
и оба с собою покончили...

Правда, он застрелился
почти на глазах у другой,
а она полстолетья ещё погодила
и многих ещё любила,

но всё-таки верно лишь то, что в стихах:
Маяковский и Лиля.

Если

если в тридцатом бы выжил
то в тридцать седьмом
Маяковский опять застрелился

если выжил бы в тридцать седьмом
то в сорок шестом
Маяковский опять застрелился

если выжил бы в сорок шестом
то в пятьдесят втором
Маяковский опять застрелился

а иначе представьте
юбилей маститого старца
при Брежневе в семьдесят третьем

не нашлось поэту доли по сердцу
места по росту

На площади

На несгораемом костре
Немыслимой любви.
В.Маяковский

Лицом к ресторану «София»
застыл Маяковский в Москве:
чугунные мысли какие
в недвижной его голове?

Воскреснуть он был наготове,
верзила, отлитый в чугун,
немыслимых нынче любовей
трагический раб и трибун.

Гитара — посмертная кара?
Прикажешь стреляться опять,
когда Окуджава с гитарой
себя и не думал смирять?

Когда, точно пол ресторана,
качнулась держава — держись! —
и юноши делать не станут,

с кого ты советовал, жизнь;

когда разгулялось...И ломка
сегодня в России, в иной...

Разбилась любовная лодка,
но вечно плывет под луной...

1992

Вероника Полонская

Защитилась тогда от поэта,
отстояла себя...
Гору лет
после выстрела из пистолета
перешла —
продолжения нет.
Защитилась, себя отстояла,
родилась, мол, актрисой на свет,
но актриса тогда почему-то
за минуту, за четверть минуты
до финала
в лицо не узнала
настоящую роль...
Застрелился поэт.

Говорили потом:
ухватился
за отказ — в оправданье себе,
застрелился поэт,
уклонился
от того, что чернело в судьбе,
упредил середину тридцатых,
с женским именем гибель связал,

написал он, что нет виноватых,
отчего погибал —
не узнал,
потому в полный рост, как бывало,
молодой, упоённый Москвой,
он на площади,
весь из металла,
с непокрытой стоит головой,
но в глазах у неё
и сегодня:
дымка пороха... стон...
И опять —
с пулей в сердце
он голову поднял,
смотрит,
силится что-то сказать...

Конец сезона

Последние дары календаря —
минуту солнца упустить досадно.
О, этот лунный климат сентября! —
одной щеке тепло, другой прохладно.

На пляже общество. Но от и до...
Вот убыл тот. Вот появилась эта.
Здесь не укореняется никто, —
заказаны обратные билеты.

Здесь глубже понимаешь: всё течёт.
Уже закрыто лето на учёт.
Мы сходимся, любезно тараторя,
временщики у вечных гор и моря.

Дни осени прощально хороши,
но пляжники встречаются всё реже,
и наконец у моря — ни души,
лишь ветер подметает побережье.

* * *

Закончив дела и не споря
с моей сухопутной судьбой,
последние годы у моря
с самим я провёл бы собой.

И в солнце, и в дни непогоды
я стал бы у моря бродить,
чтоб все мои годы, все годы
додумать, довспомнить, забыть...

С морем

Оскорбленный победами старости,
вижу: море встречает рассвет:
сколько лет — и ни капли усталости,
значит, знает какой-то секрет.

Я вхожу в его волны, пошатываясь,
но легко отрываюсь, плыву,
словно море дает провожатого,
увлекая в свою синеву.

— Нет секрета — напутствует ласково, —
от асфальта подальше держись
и почаще в волне ополаскивай
опаленную городом жизнь.

Только жизнь твоя — меньше грядущего,
мой урок может быть и не впрок:
срока нет у меня, неживущего,
у живущего всё-таки — срок.

Но бессрочность со звездною свитою
я за час человека отдам,

я тебе, преходящий, завидую,
голове твоей, сердцу, губам.

...То ли выдумал речь, то ли выслушал,
благодарно взглянул в небеса,
руки-ноги на солнышке высушил,
дышат легкие, смотрят глаза....

* * *

Через пропасть струну
протяну —
игрой на одной струне
оказаться на той стороне...

* * *

— Россия, боль моя,
к чему мне ум и зренье?
Меня вот-вот сметет
наплыв небытия.
Кругом самообман
и самообольщенье,
а я себе не лгу,
Россия, боль моя.

Не вышло. Не сбылось.
Не состоялось снова.
Оборвалось. Тянусь
в грядущие века,
как через пропасть мост.
И вновь рукой слепого
опоры ищет в воздухе
строка.

Твой Лермонтов

Руками юными согретый
На столике перед тобой
Лежит раскрытый том поэта
С такой мучительной судьбой.

И снова — пары вьются рядом,
Мелькает праздничный наряд,
И Лермонтов тяжёлым взглядом
Глядит на светский маскарад.
Не знает он — вся бездарь эта,
Самодовольный этот бал
Рукой убийцы на поэта
Подымет дуло пистолета,
Чтоб смертью Пушкина он пал.
В твой груди горит тревога —
Предупреди — ведёт дорога
Туда, к подножью Машука...
Толпятся в небе облака.

Идёт убийца шагом резким,
Красавец в пламенной
черкеске...

Ты видишь — сходятся они.
Он насладится местью быстрой
И оборвёт короткий выстрел
Векам назначенные дни.

Ты видишь — сходятся они...
И в позе каменной застынув
Прицеливается Мартынов...
Бросайся, грудью заслони!

Всё кончено. Чудес не будет.
Бегут испуганные люди.
Ты видишь — Демон бурю будит,
На волю вызвал он ветра
И носится в безумной муке,
И молнии ломают руки,
И содрогается гора.

1954

* * *

...но пуля Дантеса
на смену поэта повергнутого
на сцену вызвала Лермонтова —
такая вот пьеса.

Но что за финал,
когда не нашлось современника
спросить с того соплеменника,
на что он руку поднимал!

И с тех пор уже
не от француза
погибала русская муза...

Сонет с поэтами

Почетно превращаясь в экспонаты,
Поэты отправляются в музей –
Десятки дорогих моих друзей,
Прославленных недавно и когда-то.

Я прохожу по залам виновато –
Они, увы, с годами всё пустей,
Два-три безумца из России всей
Ещё парнасской жаждою объяты.

Зато в просторах сетевой цыфири
Засилье электронных рифмачей,
(Иллюзия бессмертия в эфире –
Карманный немигающий дисплей)...

А к экспонату, где распят поэт,
Приходит в гости тихий стиховед...

Поздний сонет

Старик... От удивленья то и дело
Я замираю. Это я — старик?
Всю жизнь, не отставая ни на миг,
Со мною вровень молодость летела.

Кто сроком годности пометил тело?
Свет Божий беспредельностью велик.
Но календарь показывать язык
Привык как верноподданный предела.

Я жив затем, чтоб неопровержимо
Со мной вошли вы завтра и навек
Кого люблю и всё, что мной любимо
В Поэзией построенный ковчег.

Почувствуйте, прислушайтесь, поверьте:
Я только тело предоставлю смерти.

* * *

Эти львы на меня не обращают внимания,
и я привык на них не смотреть,
но они мои, и я их добыча.
Они в любую минуту готовы к прыжку,
пока суд да дело они жрут мои планы,
мои идеи, мои привязанности, —
я делаю вид, что всё в порядке:
успею, сделаю, доведу до конца...,
О, как они жадно бьют хвостами!
Я прохожу, как сквозь строй,
между львами,
не глядя на них...
.....
Однажды вы придёте с цветами и скажете:
— Его сожрали львы...

* * *

Шипение, шорох, шум —
Колёсная столица...
Где звон? Где много дум?
Как мало дум на лицах!
Бетон со всех сторон
И транспортные пробки...
И только в черепной коробке,
В моей — вечерний звон.

* * *

Золотая пчела умерла
На пороге добра и зла.
Ничего не заметил мир деловой —
В самолёт и в ракету хочется!
Только — знаю! — с последней пчелой
Человечество кончится!

* * *

Книга — это концентрат
Времени и трёх энергий.
Что ж ты автору не рад
На сегодняшней поверке?

Гений больше, чем «сейчас»,
И когда велит молитва,
На невидимый Парнас
Он возносится без лифта!

На близком Востоке

1.

Существует Иерусалим —
всем известно — только вообще,
если не предстал очам твоим
город сей с горами на плече!

Существует Иерусалим.

Знать-то знал, но разглядеть не мог.
Непутёвый старый пилигрим,
после долгой тысячи дорог
наконец застыл я, недвижим,
перед ним, с кем сообщался Бог.

Существует Иерусалим.

2.

Масличная гора и Гефсиманский сад.
Сегодня, как и сотни лет назад...
Среди молящихся, уверовавших истово,
стою, а на душе — и странно, и светло.
Да будь я стопроцентным атеистом,
поклялся б: что-то здесь произошло!
Здесь мир един. И перекрёсток розни.
Благая весть. И дьявольские козни.
Оазис — рай, где пальмовые чащи,
а рядом — ад, котёл песков кипящий.
Пейзажи — вроде съёмки комбинированной:
то ангельски сияют небеса,
то рядом, там, за тучею минированной —
шахидки примеряют пояса...

3.

Небо ближе на Святой земле,
ниже, чем где бы то ни было,
оттого здесь, как через балкон,
разговаривал
Иегова с Моисеем...

4.

Когда на берегу морском
я в детстве строил замки из песка
лепил крепостные стены, башенки,
кубики домиков на террасах
под солнцем палящим
как над древней пустыней, —
я не догадывался, что строил Иерусалим.

Когда внезапные волны
били, смывая белые стены,
дома и храмы,
я возвращался упрямо,
начинал всё сначала,
сбивал упругий песок,
возводил между ветром и морем,
как между Сциллой и Харибдой,
небывалый град,
беспомощный и бессмертный.

Вот он теперь передо мной,
беспомощный и бессмертный,
под ярким солнцем,
с кубиками домов на террасах,

с крепостными стенами, храмами,
словно великану-ребёнку
купили конструктор
и он сложил это чудо;
или волшебник
подвесил к синему куполу город,
плывущий над пустыней и веком,
над морем и миром.

5.

А в подзорной трубе
перевёрнутой временем —
крохотный императорский Рим,
с близоруко моргающими историками,
а здесь, на выжженной солнцем окраине
крупно —
бродячий бедняк проповедник
с горсткой неграмотных учеников
на первом плане
и тогда, и теперь, и навек.

Империя, между делом одобрившая распятие,
не заметила день Его смерти,
но зато Воскресение,
очевидное, длится и ширится, —
шире той бывшей империи
и многих других.

Знал и не знал Иерусалим,
что здесь появится Тот,
Кто Священное Писание
из сокровищницы избранного народца
возьмет и откроет народам, народищам,

кто Нагорной проповедью
обратит к себе кругосветные земли,
кроме той, не поверившей,
что Он на ней родился.

И вот Он опять идёт на Голгофу,
сгибается под крестом,
между двумя Писаниями —
предшествующей Торой
и последующим Кораном,
раной, незаживающим шрамом,
храмом располовиненным,
между нами идёт, как сквозь строй,
на Голгофу,
падает от железных гусениц танка,
от безумного взрыва шахида,
и поднимается вновь,
и несёт свой крест
туда, где Его каждый день распинают,
а он воскресал, воскресает,
воскреснет.

6.

Нечаянный паломник,
я из тех христианских стран
где передовые грешники
не ведают, что творят,
им по-прежнему легче
подчинять, воевать, ненавидеть,
чем смиряться, прощать и любить.

В цивилизованных странах
в рамах и в изваяниях
мёртвый Христос на кресте,
но, попирающий смерть,
Он и тут, и там, и везде —
воскресающий в каждом,
кто принял Его.

7.

— Почему Иуда предал Христа?
Пишут книги, а всё темнота.

— Слышал Слово и видел чудо:
Почему же Бога предал Иуда?

А ответ (все заветы просты):
— Потому, чтоб не предал ты!

8.

Живая вода Иордана
втекает в Мёртвое море
с приказом не помирать...

Легко, как седой одуванчик,
по Иерусалиму Григорий
идёт — мудрец Померанц.

Тело войной изранено,
лагерем жизнь поломана,
казалось бы — навсегда;

но вот на девятом десятке
сподобился стать паломником
в Святые места.

Прямо из Домодедова
сюда за четыре часа...
Наверно, он думает: всё-таки
бывают чудеса.

9.

Загадала мне загадку вьюга.
Нет, не зря открылось небо с юга!
В ночь такую и в такой мороз
мог бы проповедовать Христос?

Черной ночью белый снег в лесу,
но не скроет русская картина,
что жива другая половина
где пылает солнце на весу.
Существуют, как живая рана,
камни раскалённые Кумрана.

Нет, теперь не кажется мне странно,
что Христос к нам тысячу годов
по сугробам шёл, среди снегов...

Любовь и лингвистика

По-русски
любовь действительно зла:
она не любит множественного числа.
По-русски
любовь легко рифмоваться не любит,
кровь — это слишком серьёзная рифма.
И не зря откликаются эхом
повелительные глаголы —
не прекословь, славословь, приготовь
бровь мелькает порой, прочие рифмы
не в счёт,
ведь свекровь и морковь — для пародий.
Ах, сочинять бы стихи на языке Эминеску,
где любовь выступает в трех лицах:
amor, iubire и dragoste.
Первые два обнимаются с сотнями слов,
от рифм глаза разбегаются:
какая прелесть соединить
iubire (любовь) — nemurire (бессмертье)!
И только dragoste — славянского древнего
корня —

и там чурается переклички.
По-русски
мужчина рифмуется запросто,
наверное, он —
не слишком уж верная доля любви,
то есть он — иногда молодчина,
иногда дурачина, личина, добивается чина,
а женщина — исключительность в слове
самом!
Дальше всех от неё звуковые подобия
вроде военщины, деревенщины,
потому-то поэты
избегают с ней встреч на краю стихотворной
строки,
а если приходится, то исхитряются,
измышляя тяжёлые рифмы:
трещина, раскрежещена, уменьшена
и так далее.
Ну а девушка — и подавно
рифмованию не поддается, —
где уж там разгуляться среди неуклюжих
денежка, дедушка, никуда не денешься...
Запрещая расхожий размен,

русский язык указал
на единственность, неповторимость,
уникальность — имейте в виду
эту любовь, эту девушку, эту женщину,
их неразменяемость, незаменимость,
невыговариваемость,
неизречённость!

Баллада о доме

— Как я жил? Я строил дом
на песке. Волна смывала...
Только в детстве горя мало,
если можно всё сначала
и не важно, что потом.
Шёл по жизни с другом рядом,
с женщиной встречался взглядом,
оставался с ней вдвоём:
занят был одним обрядом —
возводил незримо дом.

— Не поэты строят дом,
а поэт рождён бездомным,
одержимым, неуёмным,
жить он призван под огромным,
под вселенским колпаком...

— Но война повинна в том,
что всю жизнь я строил дом.
Шла война стальным парадом
по садам и по оградам,
двери высадив прикладом,
сапогами, кулаком...

Что я мог? Я строил дом
спорил с холодом, огнём,
снегопадом, бурей, градом,
смертью, голодом, разладом,
одиночеством и адом:
что б ни делал — строил дом,
чтобы дети жили в нём,
чтобы женскою улыбкой
он светился день за днём...
Стены дома в жизни зыбкой
я удерживал с трудом.

— Хороши снаружи стены,
изнутри — нехороши
и чреваты чувством плена
одомашненной души.
Парадоксы — аксиома,
это женщине знакомо,
той, что за и против дома,
что бунтует и в тоске
молча делает проломы
в стенах и на потолке;
а ещё — взрослеют дети
и мечтают на рассвете
дом покинуть налегке...

— Я любим и ты любима,
злые ветры дуют мимо,
но душа неизъяснима,
все мы строим на песке...
Я меняюсь вместе с домом,
он просвечен окоёмом,
мировым ночным объёмом —
дом висит на волоске,
он спасётся — невесомым,
рухнет, если — на замке.

Я хожу теперь по краю,
ничего теперь не знаю,
но перед любым судом
буду прав.
Я строил дом.

Эти тысячи…

— Кем хочешь ты быть?
— Полководцем.
— Постой, не спеши, мальчуган.
Но знамя, как птица, бьётся,
Победно гремит барабан.
Опять наступление снится,
Шагают в пыли войска…
(Менялись на карте границы,
Как на небе облака.)
Где-то плывут эскадры,
Гудят самолёты во мгле…
Лежат военные карты
На мамином старом столе.
Стрелки пронзают фронт,
Танки ломают фланг,
В последний вражеский форт,
Втыкаю торжественно флаг.
Я был генералом, братцы,
Заглядывал далеко.
Планировать операции —
О, как это было легко!
Все плюсы и минусы —
Взвесить.

Сто тысяч в прорыв —
Это плюс,
А минус — на глаз —
Тысяч десять,
Пока я вот здесь
Укреплюсь...
. . . . . .

Вырос я.
Не в силах вычесть
Из ста тысяч
Десять тысяч.
Я ошибся в детской вере
Генеральски мстить врагу.
Я планировать потери
Не умею,
Не могу,
Даже в мыслях разучился
Верховодить на войне.
Десять тысяч...
Эти числа
Горло сдавливают мне.
И уже не числа — судьи:
Десять тысяч лиц и судеб,
Двадцать тысяч глаз людских,

Двадцать тысяч звезд земных.
Не гожусь я в полководцы.
Если всё-таки придется,
Если всё ж осилить надо
Ненавистную беду,
Лучше я простым солдатом
В бой пойду и упаду...

* * *

Что там третья мировая?
Продолжается вторая.
Ежедневно в каждом доме
отголоски давних дней.
Её ставят режиссёры,
гримируются актёры,
Вновь на всех телеэкранах
что-то новое о ней.
Не она одна за нами,
а число с семью нулями,
Где лицо войны дробится
в бесконечных зеркалах.
Всё расскажут очевидцы.
Все заполнятся страницы,
Умножая смерть на память,
жизнь на случай, боль на страх.
Это не четыре года,
а эпоха без исхода,
И пока я жив, все вести —
о моих и обо мне.
Вечно почта полевая —
в сердце точка болевая,
Комом в горле чье-то горе,
строчка песни о войне.

* * *

В сорок пятом зимой в комнатёнке
с верандой
у тёти Розы жили три квартирантки —
то ли сержантки, то ли лейтенантки.

Я был младше их года на три-четыре,
мне пятнадцать стукнуло.
В послевоенном мире
пел патефон за стеной в той квартире...

Из-под пилотки локоны золотые,
гимнастёрки хэбэ с ремнём, как литые,
сапоги-сапожки — тук-тук — позывные.

Фронтовички призыва последнего года,
им досталась война другого,
победного рода:
Бухарест, Белград, Будапешт... Из похода

кое-что перепало им: полуботинки,
шали, пудра, чулки, керосинки,
а ещё открытки, картинки, пластинки...

Вечерком, как на вахту,
заступали поклонники,
капитаны, а может, и подполковники,
а пока — примостились на подоконнике,

зазывают меня, начинают шутки-расспросы,
улыбаясь, одна предлагает мне папиросы,
другая сплетает и расплетает косы.

Одна говорит, чтобы я не стеснялся,
а так вот сразу взял и признался:
хоть раз с девчонкой поближе я знался?

Быстрый жар обдаёт меня до макушки.
Мать зовет: «Ты не слушай их. Шлюшки».
Ночью душно мне на моей подушке.

Слава богу, теперь вместо бомб — гулянки,
в кружках спирт, на газете консервные
банки,
всё путём, не случись с «буржуйкой»
подлянки...

Шум под утро: по пьянке компания угорела.
Одна к нам шастает то и дело

за лимоном. Шинель на голое тело.

Во дворе гуляки зябко сутулятся,
офицеры в белье, словно мокрые курицы,
Хорошо, что не видно их с улицы.

Сокрушается мама: «Что за дурёшки!
Без войны хотели погибнуть, как кошки...
А у той, у одной — шинель да сапожки..».

Послевоенных южных ночей лихорадка.
Жаркой гарью ноздри щекочет сладко.
Полстолетья прошло —
угорелая снится солдатка...

* * *

Я из тех, кто в детстве жил в присутствии
Смерти, взят войною на прицел.
Потому-то кажется: безумствами
Мировыми век переболел.

До сих пор молюсь на мир теперешний
И, других не требуя судеб,
Беженцу подобно, трачу бережно
Воду, свет, тепло, бумагу, хлеб.

Май сорок пятого

Одна бутылка на столе,
  и та портвейная,
В окно вечернее глядит
  луна трофейная.
Танцует младший лейтенант
  с замужней женщиной,
на патефоне кружится
  пластинка с трещиной;
любовь провинциальная
  послевоенная
разлучная,
            мгновенная,
                  обыкновенная.
Война была на целый век,
  на миг — любовница...
Они забудут этот вальс,
  а мне — запомнится.
Я молод был, любовь ловил —
  осталась присказка,
Есть дом, семья, а жизнь прошла,
  и счастье призрачно...

Гарцуют девочки в Москве,
гордясь нарядами,
благословляемы попсой
и хит-парадами,
но с завистью жалею я
года победные,
хочу как те потанцевать,
те двое, бедные...

Обратный отсчёт

Моя жизнь началась со смерти:
была мировая война.
С первых лет я смотрел на мир
глазами маленького старика,
познавшего светопреставление.
Потом на долгие десятилетия
я, как губка, был погружён
в застойное время,
но всё-таки война осталась позади,
и я освобождался от смерти и старости.
Теперь, наконец, я решительно
помолодел —
пришла свобода, простор для мыслей
и чувств.
Но, вот незадача, обратный отсчёт
завершается,
приближается ноль...
Не дадут мне спокойно поиграть в кубики...

Гимн для ДООСа

Весь мир бездарности
разрушим
ДО ОСнованья, а затем
мы гениальный мир построим
стихов ДООСских и поэм!

Алфавитный указатель

Аварийная посадка 48
«Андрея Вознесенского вознёс...» 24
Баллада о доме 133
Беда 2010 33
В день марта 82
В Карпатах 86
«В сорок пятом зимой...» 140
Варианты 54
Вероника Полонская 102
Владимиру Маяковскому 95
«Вначале было Слово...» 28
«Возраст — это витки спирали...» 59
«Возьми сухой июньский жар...» 76
Гимн для ДООСа 147
Греческое 88
Еретическое 53
Если 99
«Закончив дела и не споря...» 105
«Золотая пчела умерла...» 117
И сегодня 74
«к ней приходит сон...» 38
«Я особо чувствителен...» 83

«Как ни велик океан...» 23
Карадаг.....18
«Книга — это концентрат.....118
Книга, жизнь.....56
Конец сезона 104
Красота спасёт мир? 75
Крест 31
«Кто там с чёрным ящиком...».....30
«Лаура, Беатриче, Натали...».....22
Любовь и лингвистика 130
«ЛЮБОВЬ...» 36
«М. ГОРЬКИЙ...».....45
Май сорок пятого 144
«Маленький атом...» 25
«Мать меня изгнала из чрева...» 27
«Мечтал о пушкинской судьбе...» 61
«Мне легче тебя целовать...» 58
«Молодой ухажер...» 41
На близком Востоке.....119
На площади 100
«Настоящие старики...» 43
«Начинаются муки...».....92
«Не Иисус...».....44
«— Не уходи, подожди...» 26

«Нежно музыка к ней прикасается...» 70
«...но пуля Дантеса...» 112
Новый год.....84
Обратный отсчёт 146
«Одна + один...» 52
«Они любили друг друга...» 98
«Осенняя песня» Поля Верлена.....62
«От костра остаётся...» 32
палиндромы экуменизма 17
«Параллельна...» 51
«Пенсионерам — манифест...» 50
Поздний сонет 114
«После изгнания...» 29
Преображение 68
«Приснилось, что стрекоза...» 20
«Проигрывает в карты...» 78
«Протянут канат...» 90
«Пушкин знал, что станет...» 60
«— Россия, боль моя...» 109
«С Древа познания Добра и Зла...» 47
С морем 106
С первого взгляда.....55
«Самые великие события...» 93
«Сено. Солнце. Трава. Облака...» 71

Сонет о критиках.....79
Сонет с анаграммами 16
Сонет с поэтами 113
«Сорвав очередной листок...».....67
Сосчитать единицу.....64
Среди руин 94
«Там, за высотным зданьем...» 81
Твой Лермонтов 110
«тебе к лицу постель».....40
«Ты из ребра...» 42
«Ты не из земных девах...».....21
«Ты помнишь первый поцелуй...».....46
«У каждого свой интерес...» 91
«Уже внушили каждому...» 34
«– Уходи!..».....57
Цифры.....66
«Человек всё смелей сокращает...» 39
«Человек произошёл от обезьяны...».....49
«Через пропасть струну...» 108
«Что было раньше...» 35
«Что между нами было...» 37
«Что там третья мировая...» 139
«Шипение, шорох, шум...» 116
«Эта парочка.....80

«Эти львы на меня не обращают...» 115
Эти тысячи... 136
Этюд о русских антирифмах 12
«Я из тех, кто в детстве жил...» 143
«Я особо чувствителен...» 83

ДООС
Добровольное общество охраны стрекоз
1984 – 2015

Основатели:
Стихозавр Константин Кедров-Челищев
и libellula Елена Кацюба.
Вольное общество поэтов пополнили
Стрекозавры Андрей Вознесенский,
Генрих Сапгир, Сербозавр Милорад Павич

Пришли звезды андеграунда:
Заузавр Сергей Бирюков,
Огнезавр Герман Виноградов
Лингвозавр Вилли Мельников,
СтрекозАль Маргарита Аль,
Саксозавр Сергей Летов,
СтрекИзида Анна Альчук
Звукозавр Лоренц Блинов,
Лайнзавр Владимир Опара,
Палиндрозавр Александр Бубнов,
Новая Доосская Алена Мартынова,
Найкозавр Найк Борзов,
Оса ДООСа Кира Сапгир
Art-стрекоза Нина Зарецкая

Дудозавр Игорь Дудинский
Зиоса Света Литвак
Веразавр Вера Сажина

Членами ДООСа также стали:
Линзазавр Виктор Ахломов,
Валерия Нарбикова,
Доосозавр Вадим Рабинович,
Кириллозавр Ковальджи
Борис Рахманин,
Текстозавр Александр Люсый
Днепрозавр Александр Чернов,
Боллозавр Александр Ткаченко
Стреказелла Галина Мальцева,
Светозавр Андрей Врадий,
Дева нот Алла Кессельман
Графикозавр Кристина Зейтунян-Белоус,
Прозостихозавр Анатолий Кудрявицкий,
Стреказанка Лидия Григорьева,
Стрекозабочка Леся Тышковская,
Книгозавр Виктор Корольков
Никозавр Николай Еремин
Крымозавр Андрей Коровин
Кистезавр Андрей Бондаренко
Австрозавр Виктор Клыков

Братскозавр Владимир Монахов
Пчела Ганна Шевченко
Дадазавр Денис Безносов
Слонозавар Ольга Ильницкая
Торозавр Алексей Торхов
Лавразавр Александр Моцар
Зомерзавр Татьяна Зоммер
Украинозавр Игорь Балюк
Одуванчик Ольга Лебединская
Ижезавр Игорь Крестьянинов
Лизазавр Лиза Готфрик
Энтомозавр Петр Кобликов
Muvi-стрекоза Ирина Бессарабова
Стрекозавр Валерий Мутин

Титул Друзья ДООСа приняли
Игорь Холин, Алексей Хвостенко,
Марина Герцовская, Эльмар Гусейнов,
Михаил Молочников, Елена Пахомова,
Евгений Степанов, Алина Витухновская,
Ирина Силецкая, Наталия Азарова,
Дмитрий Плахов, Александр Гумённый,
Лена Де Винне

Автор эмблемы ДООС — Сергей Бордачёв.

Содержание

Предисловие от автора.....7
Этюд о русских антирифмах.....12
Сонет с анаграммами.....16
палиндромы экуменизма.....17
Карадаг.....18
«Приснилось, что стрекоза...».....20
«Ты не из земных девах...».....21
«Лаура, Беатриче, Натали...».....22
«Как ни велик океан...».....23
«Андрея Вознесенского вознёс...».....24
«Маленький атом...».....25
«— Не уходи, подожди...».....26
«Мать меня изгнала из чрева...».....27
«Вначале было Слово...».....28
«После изгнания...».....29
«Кто там с чёрным ящиком...».....30
Крест.....31
«От костра остаётся...».....32
Беда 2010.....33
«Уже внушили каждому...».....34
«Что было раньше...».....35
«ЛЮБОВЬ...».....36
«Что между нами было...».....37

«к ней приходит сон...» 38
«Человек всё смелей сокращает...» 39
«тебе к лицу постель» 40
«Молодой ухажер...» 41
«Ты из ребра...» 42
«Настоящие старики...» 43
«Не Иисус...» 44
«М. ГОРЬКИЙ...» 45
«Ты помнишь первый поцелуй...» 46
«С Древа познания Добра и Зла...» 47
Аварийная посадка 48
«Человек произошёл от обезьяны...» 49
«Пенсионерам — манифест...» 50
«Параллельна...» 51
«Одна + один...» 52
Еретическое 53
Варианты 54
С первого взгляда 55
Книга, жизнь... 56
«— Уходи!..» 57
«Мне легче тебя целовать...» 58
«Возраст — это витки спирали...» 59
«Пушкин знал, что станет...» 60
«Мечтал о пушкинской судьбе...» 61
«Осенняя песня» Поля Верлена 62

Сосчитать единицу.....64
Цифры.....66
«Сорвав очередной листок...».....67
Преображение 68
«Нежно музыка к ней прикасается...».....70
«Сено. Солнце. Трава. Облака...» 71
Cherchez la femme 72
И сегодня.....74
Красота спасёт мир? 75
«Возьми сухой июньский жар...» 76
«Проигрывает в карты...».....78
Сонет о критиках.....79
Эта парочка.....80
«Там, за высотным зданьем...» 81
В день марта 82
«Я особо чувствителен...» 83
Новый год.....84
В Карпатах 86
Греческое 88
«Протянут канат...» 90
«У каждого свой интерес...» 91
«Начинаются муки...».....92
«Самые великие события...» 93
Среди руин 94
Владимиру Маяковскому 95

«Они любили друг друга...» 98
Если 99
На площади 100
Вероника Полонская 102
Конец сезона 104
«Закончив дела и не споря...» 105
С морем 106
«Через пропасть струну...» 108
«— Россия, боль моя...» 109
Твой Лермонтов 110
«...но пуля Дантеса...» 112
Сонет с поэтами 113
Поздний сонет 114
«Эти львы на меня не обращают...» 115
«Шипение, шорох, шум...» 116
«Золотая пчела умерла...» 117
«Книга — это концентрат 118
На близком Востоке 119
Любовь и лингвистика 130
Баллада о доме 133
Эти тысячи... 136
«Что там третья мировая...» 139
«В сорок пятом зимой...» 140
«Я из тех, кто в детстве жил...» 143
Май сорок пятого 144

Обратный отсчёт 146
Гимн для ДООСа 147
Алфавитный указатель 148
ДООС 153

Кирилл Владимирович
Ковальджи

Любовь и лингвистика

Ковальджи Кирилл
Любовь и лингвистика. — Из вороха стихов. / Составитель Елена Кацюба.— М.: Издательство ДООС, 2015. — 162 с.
ISBN 978-5-9906507-4-9

Значительная часть стихотворений этого сборника прошла через «Журнал ПОэтов» и не случайно. Кирилл Ковальджи («Кириллозавр») всегда привержен новизне, не чурается эксперимента. Многоопытный и «великовозрастный» — один из старейших наших поэтов — он молод душой, заслуженно пользуется любовью творческой молодёжи. Разнообразие форм, свобода самовыражения — всё это способно найти отклик в разных кругах читателей. Он автор ряда книг поэзии, прозы, эссеистики, переводов.

Кирилл Владимирович
Ковальджи

Любовь и лингвистика

@ Издательство ДООС
Маргариты Аль

Подписано в печать 30.04.2015.
Формат 84x108/32. Гарнитура LiteraturnayaC.
Печать офсетная. Бумага мелованная.
Объем 5,0625 печ. л. Тираж 3000 экз.

Отпечатано в типографии ООО «ПАК ХАУС»,
117420, г. Москва, Профсоюзная ул., д 57.

ISBN 978-5-9906507-4-9